

О. Р. Будина, Ю. В. Иванова

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ В АЛБАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕЧАТИ

29 ноября 1974 г. Народная Республика Албания отметила тридцатилетие освобождения от фашистской оккупации. В связи с этим албанские ученые подводят итоги своей деятельности со времени освобождения и намечают планы на будущее.

До освобождения в Албании не было ни одной научной организации, ни одного печатного органа, музея и т. п., которые систематически занимались бы албанской этнографией. По существу этнографическая работа в Албании началась в 1947 г., когда в Институте наук (в то время — центральном научно-исследовательском учреждении в стране) был образован Сектор этнографии¹. В 1957 г. был основан Тиранский государственный университет и при нем несколько научно-исследовательских институтов; сектор этнографии работал в Институте истории и языковедения (позже — в Институте истории). В 1973 г. была создана Академия наук Народной Республики Албании; научно-исследовательские институты вошли в ее состав.

Чтобы создать базу для научных исследований, коллектив албанских этнографов с самого начала своего существования проводил работу по сбору и систематизации этнографического материала. В результате образовался довольно солидный, ежегодно пополняемый фонд, который состоит из коллекций вещей, архива полевых материалов, собрания рисунков². Первая этнографическая экспозиция была открыта в Музее археологии и этнографии в Тиране в 1947 г.; в дальнейшем она неоднократно обновлялась³. В связи с изучением материального и семейного быта были разработаны вопросники и анкеты, которые дают возможность собирать материал по единой схеме. В дальнейшем при составлении Историко-этнографического атласа Албании это поможет картографировать собранный обширный материал.

Усилия специалистов-этнографов удачно дополняются работой местных краеведов, благодаря которой научные фонды обогащаются большим запасом фактического материала.

Наряду с деятельностью Сектора этнографии по накоплению фактического материала с первых же лет началась научно-исследовательская работа. Достаточно упомянуть в этой связи работы старейшего албанского этнографа Рока Зойзи «Следы примитивного календаря нашего народа», «Традиции мореходства у албанского народа». «Об обычном

¹ Подробнее о работе Сектора этнографии с 1948 по 1956 г. см.: Ю. В. Иванова, Научная работа в Народной Республике Албании, «Сов. этнография», 1950, № 3; ее же, «Buletin i Institutit të shkëncave» (обзор за 1948—1950 годы) «Сов. этнография», 1953, № 1; ее же, Научная командировка в Народную Республику Албанию, «Сов. этнография», 1957, № 3.

² A. Dojaka, A. Gjergji, «Rezultatet e punës në fushën e etnografisë shqiptare gjatë 25 vjeteve», «Studime historike», 1969, № 4.

³ О деятельности Музея и его коллекциях см. подробнее: Р. Зойзи, Ю. Иванова, Музей археологии и этнографии в Тиране, «Сов. этнография», 1959, № 2

праве албанского народа»⁴, серию статей по истории национального костюма и многие другие.

Изучение самых различных сторон жизни албанцев нашло отражение и в журнальных статьях о народных музыкальных инструментах⁵, транспортных средствах и коммуникациях в Албании⁶, о семейных обрядах и других обычаях. Было издано несколько альбомов, содержащих образцы народного прикладного искусства: «Искусство в Народной Республике Албании» (на албанском, русском и французском языках, 1953 г.)⁷; «Народное искусство в Албании» (отдельные издания на албанском и русском языках, 1959 г.), где представлены варианты национальных костюмов из различных областей страны, типы жилых домов, образцы художественного ткачества и вышивки, художественные изделия из металла и дерева⁸; альбом-каталог орнаментальных мотивов на текстильных и трикотажных изделиях⁹.

В 1962 г. — в год 50-летия освобождения Албании от власти Османской империи — было начато специальное издание «Албанская этнография»¹⁰. Кроме того, албанские этнографы печатают свои сообщения и научные статьи в журналах «Исторические исследования»¹¹, «Албанские исследования»¹² и в тематических сборниках. В настоящем обзоре рассматриваются работы по основным этнографическим темам, опубликованные главным образом в этих трех изданиях за 1960—1970-е годы.

Албанские этнографы изучают традиционные занятия и ремесла в сельской местности и в городе. В работах, посвященных сельскохозяйственным кооперативам в районе г. Корчи и в области Курвелеш, значительное место отводится рассмотрению скотоводства и земледелия. О рыболовстве в области Брег Бунэс пишет А. Дожа¹³. В его статье содержится описание снастей и приемов рыбной ловли. Лесопильному промыслу в окрестностях г. Эльбасана, которым занимаются в этом крае с XVIII в. и до наших дней, посвящена работа Х. Чатиби¹⁴. Ружейное дело в г. Эльбасане рассматривается А. Чауши¹⁵. Описание производственного процесса и самого оружия хорошо сочетаются в этой работе с воссозданием обстановки мастерской ремесленника XIX в. и взаимоотношений между людьми в процессе производства.

Этому же автору принадлежит описание транспортных средств в окрестностях г. Эльбасан¹⁶. Интересны приводимые в этой статье сведения о караванных перевозках в старой Албании.

Большая работа по изучению такого обширного раздела материальной культуры, как народное жилище, нашла отражение в ряде публикаций. В изданиях «Албанская этнография» и «Исторические исследования»

⁴ Rr. Zojzi, Gjurmët e nji kalendari primitiv në popullin t'onë; «Buletin i Institutit të shkëncavet» (далее — Bul. Inst. shk.), Tiranë, 1949, № 1; его же, Traditat e lundrimtë detar të popullit shqiptar, Tiranë, 1959; его же, Mbi tre drejten kanunore të popullit shqiptar, «Buletin për shkencat shoqërore» (далее — Bul. shk. shoq.), Tiranë, 1956, № 2.

⁵ Bul. shk. shoq., 1954, № 4; 1956, № 2.

⁶ Bul. shk. shoq., 1953, № 1, 3, 4.

⁷ Рецензию см.: «Сов. этнография», 1955, № 1.

⁸ Рисунки выполнены художником Д. Мбория, текст написан Р. Зойзи.

⁹ «Motive popullore shqiptare. Tekstili e trikotazhi», Tiranë, 1959. Рисунки выполнены И. Мустафа. Текст Р. Зойзи.

¹⁰ «Etnografia shqiptare» (далее — ESh), Tiranë, I—1962, II—1963, III—1966, IV—1973; резюме на французском и русском языках.

¹¹ «Studime historike» (далее — SH), выходит с 1964 г. четыре раза в год, резюме на французском языке.

¹² «Studia albanica» (далее — SA), выходит с 1964 г. два раза в год, помещает материалы на французском, немецком, английском, русском и других европейских языках.

¹³ A. Dojka, Mjetët e peshkimit në Bregun e Bunës, ESh, III.

¹⁴ H. Çatibi, Prodhimi e drurit më anë të sharrës së ujit në krahinat e Elbasanit nga sh. i XVIIIe deri në ditë tona, ESh, I.

¹⁵ A. Çausi, Dyfëkçinjtë dhe armet në Elbasan sh. e XIX-të, ESh, I.

¹⁶ A. Çausi, Transporti në Elbasan gjatë shekujsh, ESh, II.

ния» имеются статьи, посвященные жилищу в отдельных селах и областях страны.

Большой, документированный материал по традиционному жилищу в селениях области Мюзечья и в окрестностях г. Тираны представлен в работах К. Жеку¹⁷. Автор исследует строительный материал, технику строительства, планировку жилых построек, стремится проследить их эволюцию. Описания жилища различных сел снабжены сведениями о географии изучаемой местности и ее заселении. В связи с этим в статье, посвященной селению Поян, автор останавливается на особенностях жилища различных по происхождению групп населения — лялей, косоваров (этнографические группы албанцев) и влахов, отмечает исчезновение этих особенностей в современном жилищном строительстве. Этот вопрос, важный для изучения культурно-бытовых процессов в этнически неоднородной среде, заслуживает дальнейшего изучения.

Нужно отметить, что в статьях К. Жеку, которые, если судить по названию, посвящены изучению жилых построек в одном, иногда в двух селах, по существу дается более широкая картина жилища и его развития, ибо села, обследованные автором, характерны для определенной области или района в целом.

Задачей статьи А. Муки явилась характеристика жилища целой области¹⁸. Обладая большим, систематизированным материалом, собранным в селах области Черменика, автор успешно справился с этой задачей. Традиционный жилой дом в этой области имеет черты укрепленного жилища; это каменная двух- или трехэтажная постройка с деревянным балконом (*teliz*) на верхнем этаже. Автор рассматривает жилые дома в развитии — от более простых к сложным вариантам, объясняя их формирование влиянием социально-экономических условий. Основой для систематизации построек служит число жилых помещений и их назначение. Изменения, происшедшие в жилище под влиянием перемен в хозяйственно-экономической и социальной сферах жизни после освобождения, касаются перераспределения функций помещений в жилом доме. Так, нижний этаж освобождается от хлева — там устраивают кладовую или дополнительное жилое помещение. Расширяются оконные проемы; при этом широко используется стекло, чего не было прежде. Хозяйственные постройки на усадьбе исчезают. Все эти и многие другие изменения в жилом доме и застройке усадьбы отвечают новому способу хозяйствования и возросшим культурно-бытовым запросам жителей Черменики. Впрочем, изменения в жилище, обусловленные общими для всей страны явлениями, наблюдаются и в других областях страны.

Изучению укрепленного жилища — *кулы*, которое широко бытовало в Северной Албании еще в первой половине XX в., посвящено несколько статей в различных изданиях¹⁹. Нужно сказать, что этот вид постройки, в прошлом известный в Южной Албании и других горных районах Балканского полуострова, уже привлекал к себе внимание исследователей. Однако в данных публикациях содержится как новый фактический материал, так и дальнейшее развитие историко-архитектурного анализа. Нам представляется вполне справедливым, что укрепленное жилище Северной Албании рассматривается как определенный результат в развитии народного жилища именно этой зоны, а не простое заимствование

¹⁷ K. Zheku, Shtëpia e banimit në fshatin Mullet dhe zhvillimi e saj, ESh, I; егo же, Tiparët karakteristike të arkitekturës së fshatit Linzë, ESh, II; егo же, Shtëpitë e banimit në fshatin e Pojanit (Myzeqe), ESh, III; егo же, Disa shtëpi banimi karakteristike në fshatrat Farkë dhe Lundër, ESh, IV.

¹⁸ A. Muka, Banesa popullore e Çermenikës, SH, 1974, № 1.

¹⁹ P. Thoma, Banesa popullore e tipit kullë në Mat dhe në Mirditë, ESh, IV. (см. также SH, 1970, № 1); егo же, Banesat e fortifikuara në Malësinë e Gjakovës, SH, 1973, № 3. K. Zheku, Kulla krutane, «Konferenca e dytë e studimeve albanologjike», vol. II, Tiranë, 1969; E. Riza, Banesa e fortifikuar Gjirokastrite, «Monumentet», 1971, № 1; A. Meksi, Arkitektura e kullës si banesë, там же.

«звне. На обоснование, в частности, этого положения направлено изучение укрепленного жилища в областях Мати, Мирдита, Гьякова, принятое П. Томо; оно основано на обширном полевом, а также литературном материале. Для выявления эволюции укрепленного жилища ценной находкой являются новые экземпляры дома-чардака, известного в ряде областей Северной Албании в XIX — начале XX в. Жаль, правда, что не указано время постройки этих домов, что в данном случае существенно, так как постройки могли быть как последними экземплярами отжившего типа, так и поздними сооружениями, повторяющими в какой-то мере старую традицию. Некоторая неясность возникает в связи с характеристикой, которую дает П. Томо дому-чардаку. Автор справедливо утверждает, что название чардак не связано ни с общим характером укрепленного жилища, ни с употреблением камня и дерева в качестве строительных материалов (стр. 75). Однако создается впечатление, что П. Томо не считает укрепленность жилища и наличие верхнего этажа из дерева отличительными признаками того типа дома, который жители районов Северной Албании, где он бытовал в XIX — начале XX в., называли чардаком. Нам кажется, что материалы самого П. Томо и других авторов, писавших о доме-чардаке, характеризуют дом-чардак именно этими чертами²⁰.

При изучении эволюции укрепленного жилища в Северной Албании (в частности, перехода от дома-чардака к куле) П. Томо считает необходимым учитывать совокупность условий экономического и социального характера. Несомненно, комплексный подход в изучении факторов, влияющих на развитие народного жилища, на примере многих исследований показал свои преимущества. Действительно, ни существование кровной мести или отсутствие общественной безопасности, ни распространение в Северной Албании нового оружия (кстати, эта причина имела узкое локальное значение²¹), взятые изолированно, не могут в достаточной мере обосновать эволюцию типа жилища. Автор прав, указывая на общий уровень экономического развития края (в частности, на материальный достаток населения) как на необходимое условие дальнейшего усложнения жилого дома. Но неверно противопоставлять экономические условия социальным, которые в значительной мере определяют характер усложнения жилища. Не случайно ведь при сходных экономических возможностях в одних областях развиваются дома с открытыми галереями, балконами, многими надворными постройками, а в других — дома-крепости.

С темой «Жилище» тесно связано изучение домашней утвари, проводившееся в связи с работой над атласом. В «Албанской этнографии» опубликованы статьи А. Дояки по материалам областей Дукагинии и Ляберии²². В них дается обстоятельное описание предметов домашнего обихода, подсчитано среднее число предметов в крестьянском доме, отмечен процент вещей домашнего, кустарного и фабричного производства. Таким образом, автор останавливается не только на материальной оснащенности домашнего быта, но и на связях семьи с внешним миром, на изменениях, вызванных перестройкой в социальной и экономической сферах жизни.

²⁰ P. Thomo, Banesat e fortifikuara në Malësinë e Gjakoves, f. 75; О. Р. Будина, Народное жилище Северной Албании (деревянные постройки), «Культура и быт народов зарубежной Европы», М., 1967, стр. 122—130; П. А. Ровинский, Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. 2. СПб., 1901, стр. 42—46; M. Krasniqi, Shtëpia shqiptare në Kosovë, «Gjurmime albanologjike», Prishtinë, 1971, № 1, f. 43.

²¹ О. Р. Будина, Указ. раб., стр. 129—131; к сожалению, П. Тома (Указ. раб., стр. 85) отметил у Будины только одну эту причину перехода от укрепленного жилища типа чардак к жилищу типа кула, оставив в стороне остальные причины.

²² A. Dojaka, Enë dhe orendi të Dukagjinit, ESh, I; егo же, Enë dhe orendi të Labërisë, ESh, II.

Одна из наиболее интенсивно разрабатываемых тем этнографии — национальный костюм. В этой области много сделал Р. Зойзи²³. Исторический подход к изучению объектов материальной культуры дал возможность ученому выявить основные исходные формы народного костюма, наметить линии его развития, определить генетическую преемственность современного костюма, оттенить общее и особенное в культуре албанского и соседних балканских народов. Такова его обширная работа о *гуне* (gune) — общеалбанском элементе мужского и женского костюма. Распашная безрукавная верхняя одежда типа гуны известна у всех балканских народов. В Албании она примерно с начала XVIII в. стала заменяться другими видами одежды (в некоторых местностях ее локальные варианты сохранились до сих пор). Из повседневного костюма она превратилась в праздничный, позднее — в церемониальный, ее последнее назначение — погребальная одежда²⁴.

Историческая трансформация албанского национального костюма освещена также в работах А. Гьергьи. Эта исследовательница описала костюм эпохи Георгия Кастриоти-Скандербега, изучила одежду населения отдельных областей Албании, останавливаясь на изменениях, которые время вносит в повседневный быт народа. Она выявила также интересные параллели в албанской и румынской традиционной одежде²⁵.

Наряду с работами по отдельно взятой теме албанские этнографы проводят комплексное изучение той или иной группы населения. В числе этих работ — этнографическое описание сельскохозяйственных кооперативов. На примере кооператива им. Асима Зенели (вблизи г. Гырокастры, Южная Албания)²⁶ показано, как благодаря закреплению за кооперативом пастбищ в близлежащих горных и низменных районах отгонное скотоводство горцев превратилось в полутгонное (со стойловым содержанием скота зимой и заготовкой кормов); основание нового поселения на плоскости позволило кооператорам заняться поликультурным земледелием и превратить свое хозяйство (в прошлом скотоводческое) в комплексное.

Традиции земледельческого населения окрестностей г. Корчи (Юго-Восточная Албания) и изменения, происшедшие в производственной деятельности и быту в связи с кооперированием крестьянских хозяйств, отражены в обширном исследовании А. Гьергьи²⁷.

Этнографические описания локальных групп населения составляют также местные краеведы²⁸.

²³ Rr. Zojzi, Mbi veshjet tradicionale të popullit tonë, SH, 1965, № 4. См. также серию его статей более ранних изданий: Bul. Inst. shk., 1950, № 1—3; 1951, № 1, 2; «Buletin i Universitetit shtetëror të Tiranës. Serie shkencat shoqërore» (далее — Bul. Un. sht.), 1958, № 3.

²⁴ Rr. Zojzi, Guna në veshjet tradicionale të popullit shqiptar dhe të popujve të tjera të Ballkanit, ESh, III. На эту же тему им был представлен доклад на Первый конгресс балканских исследований (София, 1966): Rr. Zojzi, La «guna» dans la tradition vestimentaire des peuples balkaniques (текст доклада напечатан также в SA, 1966, № 1).

²⁵ A. Gjergji, Të dhena mbi veshjen në Shqipëri në sh. XIV—XV, SH, 1967, № 4; е е же, Veshja e vllahëve të rrethit të Korçës, ESh, III; е е же, Dy variante të veshjes së grave në rredhin e sipërme të Shkumbinit, ESh, IV; е е же, Veshja në qytetin e Korçës gjatë sh. XIX, SH, 1965, № 3; е е же, Vërejtje rreth, veshjes së grave në Zadrimë, SH, 1970, № 1; е е же, Mbi disa analogji shqiptaro-rumune në veshjen popullore, SH, 1967, № 2. На эту же тему А. Гьергьи представила доклад на Первый конгресс балканских исследований: A. Gjergji, Analogies albanor-roumaines dans les costumes populaires, Tirana, 1966 (текст доклада напечатан также в SA, 1966, № 1).

²⁶ F. Haxhiu, Kooperativa blegtorale-bujqësore «Asim Zeneli» (1947—1959), ESh, II.

²⁷ A. Gjergji, Provë për një studim etnografik në kooperativën bujqësore «Shkëndia» (rrethi i Korçës), ESh, I, II.

²⁸ M. Prenushi, Veshtrim etnografik mbi krahinën e Kallmetit, ESh, II; K. Ulqini, Doke, veshje, zeje e besime në Mat, Bul. Un. sht., 1960, № 4.

Албанские археологи, языковеды и другие ученые в последнее десятилетие обсуждают вопросы этногенеза и этнической истории албанцев. Известный вклад в эту проблематику внесли этнографы. На симпозиуме, посвященном этногенезу албанцев (Тирана, 1969), выступила А. Гьергьи с сообщением об общих элементах в одежде различных иллирийских племен²⁹. Она рассказала о натальной рубаше, сборчатой юбке, верхней плащевидной одежде, головных уборах и обуви. Все названные элементы костюма изображены на документированных памятниках иллирийской эпохи и упомянуты в трудах античных авторов. Каждому из них автор находит аналогии в современном традиционном костюме албанцев, а также у других балканских народов — в Югославии и Румынии.

Нельзя не согласиться с выводом А. Гьергьи о том, что типологическое сходство в одежде иллирийцев и албанцев указывает на иллирийскую культуру как на базу формирования многих элементов албанской культуры. Верно и то, что вскрытые аналогии в одежде древних насельников Балкан выявляют связи, существовавшие между иллирийцами и их соседями на протяжении длительного времени (стр. 161). Однако А. Гьергьи слишком увлекается, на наш взгляд, идеей возникновения каждого исходного элемента одежды на определенной ограниченной территории, связанной с определенным этносом (в данном случае иллирийским), и последующего заимствования его другими этносами. Ведь речь идет о самых простых, даже примитивных формах. Четырехугольный некроеный плащ, скрепленный застежкой, рубаша прямого покроя встречаются у стольких народов, что вряд ли есть необходимость искать центр их возникновения и пути распространения. Отнюдь не убедительно предположение автора о том, что кельты заимствовали юбочку как принадлежность мужского костюма у иллирийцев, а от них в свою очередь ее унаследовали шотландцы (стр. 156). По мнению авторитетных ученых, шотландская юбочка возникла в XV в. и генетически связана с плащом (нижняя его часть превратилась в юбку, а верхняя — в короткий плащ-плед)³⁰. Албанский и греческий фустан (или, как его чаще именуют, фустанелла) имеет иную генетическую основу: это гипертрофированный подол рубахи (на что указывает сама А. Гьергьи), превратившийся в самостоятельный элемент костюма.

Гораздо более плодотворным представляется другое исследование А. Гьергьи — о соотношении албанского и иллирийского орнамента. Сообщение на эту тему она сделала на I Симпозиуме иллирийских исследований (Тирана, 1972 г.)³¹. Рассмотрению подверглась одна группа орнаментальных мотивов — геометрических, которые украшают предметы сельского быта еще в наши дни. Для определения возраста указанных элементов привлекаются археологические материалы. Наибольшее число совпадений относится к предметам эпохи поздней бронзы и раннего железа по всей зоне расселения иллирийских племен. Тезис о непосредственной связи албанской средневековой культуры с иллирийской развит во многих работах албанских археологов³².

При изучении этнической истории албанцев последующих периодов — средневековья и нового времени — основной темой является характерис-

²⁹ A. Gjergji, *Elemente të përbashkëta të veshjës së viseve të ndryshme ilire dhe vazhdimësia e tyre në veshjet tona popullore*, «Jlirët dhe gjeneza shqiptareve», Tiranë, 1969.

³⁰ A. Campbell, *Highland dress, arms and ornament*, London, 1969; Y. F. Grant, *Highland folk ways*, London, 1961.

³¹ A. Gjergji, *Përkime midis ornamentikës popullore shqiptare e asaj ilire*, SH, 1973, № 1.

³² S. Anamali, *Mbi kulturen e hershme shqiptare*, SH, 1969, № 2.

тика локальных этнографических групп. Прежде всего здесь нужно назвать работу Р. Зойзи «Областное деление албанского народа»³³.

На протяжении многих веков албанцы не составляли единого государственного образования; с XV до начала XX в. они были включены в различные административные единицы Османской империи, границы которых не совпадали с этническими. Неустойчивость политического положения, слабость внутренних экономических связей наряду с естественной изоляцией (расселение преимущественно в горной и предгорной зоне) — все это было причиной формирования небольших этнических групп внутри единого албанского этноса. Территорию расселения каждой такой группы принято называть *краиной*.

Краины имели различия в говорах, в особенностях костюма и других бытовых традициях и вошли в сознание народа каждая под своим собственным именем.

Как любое историческое явление, краины были подвержены временным изменениям. Под влиянием самых разнообразных событий политической, экономической и общественной жизни несколько соседних краин тесно сближались, но при этом в каждой из них сохранялись какие-то свои, ей одной присущие черты быта и собственное имя. Автор предлагает называть такое переходное историческое образование «группой этнографических областей» (стр. 16). Иногда же в результате каких-либо политических или общественных коллизий крупная краина дробилась на более мелкие. Большая заслуга Р. Зойзи заключается в том, что он подметил эту динамику исторического развития областных групп, в то время как до него исследователи смотрели на этнографическое (областное) деление народа как на неизменяемое явление.

Малые краины исследователь возводит к социально-экономическим образованиям XIII—XV вв. — периоду феодальной раздробленности Албании.

Автор перечисляет этнографические области, существовавшие в XVII—XVIII вв. В южной зоне расселения албанцев — к югу от р. Шкумбини — в силу целого ряда исторических причин довольно оживленные и разносторонние связи между отдельными краинами привели к тому, что уже в XVII—XVIII вв. для Южной Албании утвердилось общее наименование Тоскрия или Тоскния (Toskëria, Toskënia) и имя тоски (toskët) для ее населения. На севере Албании этот процесс шел медленнее. В течение XVIII в. в результате сближения этнографических групп вся зона к северу от р. Шкумбини стала именоваться Гегнией или Гегрией (Gegënia, Gegëria), а ее население — гегами (gegët).

Деление Албании на Гегнию и Тоскрию несколько условно, как условна и граница между ними по р. Шкумбини: между двумя названными областями лежит зона переходных говоров и культурных вариаций. Эти две части страны не являются этнографическими областями, что справедливо подчеркивает сам автор статьи, определяя их как две большие группы этнографических областей (стр. 20). Вызывает некоторое сомнение попытка Р. Зойзи найти признаки, которые характеризуют каждую из групп в целом и отличают их одну от другой (стр. 19). Поиски эти пока не принесли убедительных результатов. По нашему мнению, в современном культурно-бытовом комплексе можно выделить черты, особенности, традиции или областные, или общеалбанские, или общепалканские, но отнюдь не специфически «гегнийские» или «тоскские». Наиболее реальны лишь языковые различия: в современном албанском языке различаются тоскский диалект и группа близких между собой гегийских диалектов.

³³ Rr. Zojzi, Ndamja krahinore e popullit shqiptar, ESh, I. Доклад на эту же тему был прочитан на I Конференции по албанологии (Тирана, 1962): Nendamjet e vjetra krahinore të popullit shqiptar, «Konferenca e parë e studimeve albanologjike», Tiranë, 1965.

Р. Зойзи справедливо считает, что в результате интенсификации социально-экономических связей между краинами, особенно заметной с середины XIX в., в период национального возрождения, на базе древней этнической общности албанцев возникли условия для формирования албанской нации. Это нашло выражение, в частности, в распространении общего для всего народа этнонима *shqipëtar* (мн. число *shqipëtarët*) и общего названия страны — *Shqipëri* или *Shqipëni*.

В общественной жизни Албании в настоящее время очень актуальны проблемы семьи и брака. Для подлинной победы новых отношений в семейном быту необходима большая воспитательная работа среди населения. Положению женщин и другим вопросам становления современной семьи посвящены многие статьи в научной периодической печати, написанные историками, философами, экономистами. Большие задачи стоят и перед этнографами. С конца 1960-х и в 1970-е годы их усилия направлены на изучение семьи. Семья рассматривается как социально-экономическая единица общества; главное внимание обращается на преодоление пережитков прошлого в современной семье и установление равноправных отношений между поколениями и полами. Описываются также семейные обычаи и обряды в прошлом и настоящем.

Статья Р. Зойзи «Аспекты перехода от патриархальной семьи к социалистической»³⁴ трактует имущественно-правовые проблемы. Автора интересует главным образом одна форма семьи — большая патриархальная семья деспотического типа, во главе которой стоял старший по возрасту мужчина. Такой тип семьи — носитель наиболее консервативных традиций. Равные права граждан, в том числе и имущественные, установленные законодательством Народной Республики Албании, уничтожили саму основу, на которой строилась большая патриархальная семья. Однако, по наблюдениям автора, полному утверждению семьи социалистического типа в Албании мешают пережитки патриархальных отношений в сознании людей, и не только в деревне, но и в городе, не только у крестьян, но и среди рабочих и служащих. Эти пережиточные явления Р. Зойзи подробно охарактеризовал в другой своей работе³⁵. Так, в районах, где преобладала в прошлом мусульманская религия, заметно ограниченное участие молодых замужних женщин в кооперативном производстве; вековые традиции отхожих промыслов среди христианского населения Южной Албании привели к тому, что сельское хозяйство лежало почти целиком на женщинах, и ныне они составляют основной контингент полевых бригад. О путях преодоления традиций отхожих промыслов и о привлечении мужчин к полевым работам (через профессиональную сельскохозяйственную ориентацию учеников средних школ на селе) рассказывает А. Дояка в статье, посвященной положению женщины в краине Загорис³⁶.

Для борьбы с пережиточными явлениями в быту необходимо проследить причины их возникновения; надо знать исторические события, явления общественной жизни, бытовые особенности, которые закрепляли эти традиции и придавали им высокий авторитет в глазах народа. Этой цели служит небольшая по объему, но чрезвычайно насыщенная фактами статья К. Нова об обычном праве краины Ляберии (так называемый *Sharti i Jdriz Sulit*) и положении женщин согласно этому праву³⁷.

Основные демографические аспекты современной крестьянской семьи осветила А. Гьергьи на материалах своих полевых работ в окре-

³⁴ R. Zojzi, Aspekt të kalimit nga familija patriarkale në familjen e re socialiste, ESh, IV.

³⁵ R. Zojzi, Mbeturina të familjes patriarkale që i bëhen pengesë emancipimit të plotë të gruas shqiptare, SH, 1969, № 1.

³⁶ A. Dojaka, Pozita e gruas në familje dhe në shoqëri në krahinën e Zagorisë, SH, 1969, № 1.

³⁷ K. Nova, Pozita e gruas sipas së drejtës zakonore të Labërisë, ESh, IV.

стностях Люшни и Фиери³⁸. В этой зоне ныне преобладают семьи, состоящие из двух поколений: родители с детьми, среднее число членов семьи от 4 до 10 человек, что совпадает с общими показателями по стране.

Очень важно проследить, на каких принципах создаются новые семьи в современной Албании, как происходит выбор брачного партнера. В прошлом право выбора почти всегда принадлежало старшим по возрасту: родителям (в горских обществах — только отцу, мать не имела права голоса в этом вопросе), в семейной общине — главе семьи (в этом случае от решения вопроса устранялся даже отец юноши или девушки). Чрезвычайно усложнялись брачные связи строгой родовой экзогамией и конфессиональными различиями.

Во многих этнографических работах рассказывается о новых принципах заключения брака в наши дни — на основании взаимной склонности молодых людей. Специальным исследованием на эту тему установлено, что наибольшее число браков по выбору самих молодоженов имеет место среди рабочих и служащих, в то время как в крестьянском быту новые принципы при выборе супруга внедряются медленнее³⁹.

Население страны придерживалось в прошлом четырех религиозных направлений: ислама суннитского толка (большинство населения), ислама шиитского толка (немногочисленная, но авторитетная секта бекташей), католицизма и православия. Разумеется, это не может не оказывать и в наши дни известного влияния на психологию людей. Поэтому чрезвычайно интересны сведения о заключении браков между представителями разных вероисповеданий⁴⁰. Из всех браков, заключенных с 1950 по 1968 г. в г. Шкодре (в прошлом — центр пропаганды католического духовенства и одновременно центр фанатичного мусульманства), смешанными в конфессиональном отношении оказалось немногим более 1,5%; в г. Гьирокастре (где преобладали мусульмане, а меньшинство придерживалось православия) этот показатель составил 4,3%. Анализ данных на таком крупном предприятии, как текстильный комбинат в Тиране, показал, что с 1960 по 1969 г. выходцы из разных религиозных групп составили 14,5% всех брачных пар.

Значительная группа журнальных статей посвящена семейным обрядам, большая часть их описывает свадебную церемонию в различных областях Албании⁴¹. Накопление конкретного материала далеко еще не завершено. Но и сейчас уже можно отметить узловые моменты, важные для выявления этнической специфики свадебного обряда. Так, в ряду элементов, возникших в эпоху родового строя, хорошо известных в этнографической науке, для Албании характерен институт кумовства, который влечет за собой запрещение браков между семьями и группами семей, из которых происходит брачащиеся и кумовья.

В документальных записях, касающихся недавнего прошлого, отчетливо проступает облик большой семьи (семейной общины) как элементарной ячейки общества в хозяйственном и правовом отношении.

³⁸ A. Gjeggji, Disa probleme në lidhje me zhvillimin e familjes së sotme fshatare, SH, 1973, № 4.

³⁹ A. Dojaka, Disa ndryshime në lidhjet martesore pas çlirimit, ESh, IV (см. также SH, 1969, № 4).

⁴⁰ M. Tirtja, Mbi martesat e bëra pas çlirimit midis personash nga besime të ndryshme, ESh, IV (см. также SH, 1970, № 2).

⁴¹ M. Myftar, Dasma e malësisë së Gjakovës, ESh, I; L. Mitrush, Dasma në lalet e Myzeqesë, ESh, II; K. Shtjefni, Doke mirditore (darsma), ESh, II; Q. Alushi, Dasma në Mat, ESh, IV; K. Lurka, Kërkime mbi Viletin si institucion i hershëm mesjetar në vendin tonë, ESh, IV; см. также статьи в других журналах: A. Dojaka, Dasma çame, SH, 1966, № 2; Sh. Hoxha, Fejesa e martesë në Lumë, Bul. Un. sht., 1960, № 4; V. Xhaçka, Lindja dhe martesë në Devoll, Bul. Un. sht., 1959, № 1; R. Zojzi, Dasma në krahinën e Skraparit, Bul. Un. sht., 1958, № 2.

Не получило еще достаточного освещения соотношение выкупа за невесту (раја), уплачиваемого семьей жениха (первоначально он состоял из традиционного свадебного костюма невесты) и приданого невесты (prika), приготавливаемого ее семьей, которое становилось отдельной собственностью замужней женщины в семейной общине ее мужа. Со временем содержание их дополнялось, а стоимостное выражение увеличивалось, сюда включались и наличные деньги. Ценна в этой связи публикация образцов письменных договоров о выкупе и приданом (1819—1843 гг.), извлеченных из монастырских архивов⁴². В некоторых районах Албании, особенно в горной зоне, *пайя* значительно превосходила *прику*, следовательно, семья жениха несла основные расходы, почти буквально «покупала» невесту. В других местах (главным образом на юге страны и среди горожан) картина была противоположная: чтобы выйти замуж, девушка должна была иметь солидное приданое. Эти различия связаны с сословными, экономическими, а также демографическими факторами.

Несколько публикаций посвящено обрядам, совершаемым при рождении ребенка, при первом подстригании волос и т. д.⁴³ Эти публикации носят пока только информационный характер. При дальнейшей разработке темы следует, на наш взгляд, обратить особое внимание на институт кумовства (в Албании различают три вида его: при венчании, крещении ребенка и подстригании волос). Самостоятельным сюжетом является традиция наречения имени. Древнейшими именами следует признать те, которые восходят к наименованию животных, растений и явлений природы⁴⁴.

В настоящем обзоре мы остановились на нескольких темах, наиболее полно представленных в «Албанской этнографии» и других периодических изданиях за последние полтора десятка лет. Кроме того, этнографы, а также историки, фольклористы, краеведы обращались к другим этнографическим или близким к этнографии сюжетам, среди которых — история обычного права⁴⁵ (в последнее время большое внимание уделяется конкретным задачам преодоления его пережитков в сознании людей⁴⁶), описание многих традиционных обрядов, развлечений (в частности, очень подробное описание народных игр, бытующих в окрестностях г. Шкодры)⁴⁷, использование народных традиций в изделиях художественной промышленности⁴⁸ и др.

⁴² L. Mitrusi, Kodiku i Monastirit të Shën Kozmait për kontratat e fajesave, ESh, III. Указанные договоры, как справедливо отмечает автор публикации, могут служить также источником для изучения одежды первой половины XIX в. в области Мюзечея, а также ономастики и топонимики.

⁴³ M. Memia, Lindja dhe kumbaria në Malësinë e Gjakovës, ESh, II; L. Mitrusi, Zakone mbi lindjen e fëmijës ndër lalët e Myzeqesë, ESh, IV; Sh. Hoxha, Lindja në Lumë, Bul. Un. sht., 1961, № 2.

⁴⁴ ESh, II, f. 262, 263; ESh, III, f. 185—187.

⁴⁵ K. Ulqini, Gjurmime etnografike në trojet e Skanderbegut, Bul. Un. sht., 1961, № 2; J. Zamputi, Pozita shoqërore e gruas malësore shqiptare sipas kanunit, там же, Rr. Zojsi, Question concernant le droit coutumier albanais, SA, 1967, № 2; ето же, Aspekte të Kanunit të Skenderbeut të para në kuadrin e pergjithshëm të së drejtës kanunore, SH, 1967, № 4.

⁴⁶ A. Kostallari, Mbi shtrirjen dhe shitesimin e së drejtës kanunore në Shqipëri dhe mbi disa çështje që lidhen me studimin e saj e me organizimin e luftës kundër mbeturinave të së vjetrës, ESh, IV.

⁴⁷ E. Bushati, Lojnat popullore të rrethit të Shkodrës, ESh, III; A. Fico, Kerki-me folklorike në krahinën e Zagorisë, Bul. Un. sht., 1961, № 2.

⁴⁸ J. Bihiku, Për një shfrytëzim më të drejtë të motiveve tona popullore në tekstil e artizanat, ESh, IV (см. также SH, 1970, № 1, f. 155—162).